

Тагор Рабиндранат

Садовникъ. Гитанджали

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Р12

Р12   **Рабиндранат Т.**
Садовникъ. Гитанджали / Тагор Рабиндранат – М.: Книга по Требованию,
2022. – 172 с.

ISBN 978-5-519-76201-4

Полный пер. в стихах с присоединением избранных стихотворений
из других книг Тагора

ISBN 978-5-519-76201-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ

YEATS'A КЪ АНГЛІЙСКОМУ ИЗДАНІЮ.

Нѣсколько дней тому назадъ, я разговорился съ однимъ извѣстнымъ бенгальскимъ докторомъ медицины и сказалъ ему: «Я не знаю нѣмецкаго языка, но если бы мнѣ особенно понравился какой-либо германскій поэтъ въ переводѣ, я бы отправился въ британскій музей и досталъ бы себѣ книги для ознакомленія съ его жизнью и съ исторіей его мысли. Теперь же, когда прозаическій переводъ Рабиндраната Тагора взволновалъ меня, какъ едва ли что другое въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, я ничего не узнаю ни объ его жизни, ни о движеніяхъ его мысли, которыя обусловили его произведенія, если кто-либо изъ индійскихъ путешественниковъ не просвѣтитъ меня». Онъ счелъ весьма естественнымъ, что его вещи такъ понравились мнѣ, и отвѣтилъ: «Я читаю Рабиндраната каждый день; читать его стихи—это забыть всѣ тревоженія міра». Я сказалъ: «Если бы Англичанину, жившему въ царствованіе Ричарда Второго, показали переводы изъ Петрарки или изъ Данте и онъ не нашелъ бы отвѣта на свои вопросы, конечно, онъ направился бы къ какому-нибудь флорентинскому банкиру, или ломбардскому купцу, такъ же, какъ я иду къ вамъ. Изъ всего, что я знаю объ этой простой и содержательной поэзіи надо заключить, что въ Вашей странѣ нарождается новое Возрожденіе и что я о немъ буду знать только по наслышкѣ». Онъ отвѣ-

тиль: «У насъ есть и другіе поэты, но нѣтъ равнаго ему; мы называемъ эту эпоху—эпохой Рабиндраната. Едва ли найдется въ Европѣ поэтъ болѣе популярный, какъ онъ у насъ. Онъ великъ и въ музыкѣ, какъ и въ своей поэзіи, и его пѣсни поются отъ Западной Индіи до Бирмы всюду, гдѣ говорятъ по-бенгальски. Онъ прославился еще, когда ему было 19 лѣтъ, когда онъ написалъ свою первую повѣсть; пьесы, написанныя имъ почти въ томъ же возрастѣ, до сихъ поръ играютъ въ Калькуттѣ. Меня всего болѣе восхищаетъ полнота его жизни; когда онъ былъ очень юный, онъ писалъ болѣе о явленіяхъ природы и тогда просиживалъ цѣлые дни въ своемъ саду; начиная съ 25 лѣтъ и до 35, когда его постигло большое горе, онъ написалъ на нашемъ языкѣ чудные стихи о любви». Потомъ онъ прибавилъ съ большимъ подъемомъ: «Я не нахожу словъ высказать, какъ мнѣ нравились его стихи о любви, когда мнѣ было 17 лѣтъ. Потомъ его поэзія стала болѣе глубокой, сдѣлалась религіозной и философскою. Онъ первый изъ нашихъ подвижниковъ, который не отказался отъ жизни; всѣ упованія человѣчества заключаются въ его гимнахъ. Онъ исповѣдуетъ культъ самой жизни, и оттого мы такъ любимъ его». Я, можетъ быть, не выполнѣю точно передаю его слова, но, главная мысль его сохранилась въ моей памяти. «Недавно ему пришлось отправлять богослуженіе въ одной изъ нашихъ церквей—мы, вѣдь, исповѣдуемъ Брама Самаджъ и пользуемся словомъ «церковь» въ англійскомъ смыслѣ, она самая обширная въ Калькуттѣ; такъ не только она вся была переполнена, и народъ стоялъ даже въ окнахъ, но, и самыя улицы стали переполненными отъ массы толпившагося народа. Другіе индусы приходили ко мнѣ, и ихъ благоговѣніе передъ этимъ человѣкомъ звучало удивительно странно въ этомъ мірѣ, гдѣ все, и крупное,

и малое, подёрнуто дымкою бросающагося въ глаза притворства и полусерьезныхъ недомолвокъ».

Когда мы строили наши соборы, такъ ли мы почитали нашихъ великихъ людей? Одинъ сказалъ мнѣ: «Каждое утро въ три часа—я знаю, ибо самъ видѣлъ это—онъ сидитъ неподвижно въ размышленіи о природѣ Бога и остается въ одной и той же позѣ два часа. Его отецъ, Маха Риши, часто просиживалъ такимъ же образомъ цѣлый день: однажды на рѣкѣ онъ погрузился въ такое созерцаніе, взволнованный красотой мѣстности, что гребцы ждали восемь часовъ, пока онъ сдвинулся съ мѣста, чтобы продолжать путь». Потомъ онъ разсказалъ мнѣ о родѣ Тагора и о томъ, что изъ нѣдръ его уже нѣсколько поколѣній рождаются выдающіеся люди. «Теперь,—онъ сказалъ,—есть, на прим., Гогонендранатъ и Абаниндренатъ Тагоры—художники, Двиджендранатъ, братъ Рабиндраната — философъ. Бѣлки спускаются съ вѣтокъ и взбираются къ нему на колѣни, и птицы клюютъ зерна на рукахъ у него. Я отмѣчаю въ мысли этихъ людей стремленіе къ олицетворенію красоты и смысла, какъ будто бы они придерживались доктрины Ничше, что нѣтъ моральной или интеллектуальной красоты, которая бы раньше или позже не выразилась въ чемъ-либо физическомъ». Я сказалъ: «Да, на Востокѣ Вы умѣете поддерживать славу фамиліи. Недавно, хранитель музея указалъ мнѣ на маленькаго темнокожаго челоуѣка, собиравшаго китайскія рукописи, и сказалъ: «Вотъ наслѣдственный литературный критикъ у Микадо; онъ четырнадцатый на своемъ посту изъ этой фамиліи». Онъ отвѣтилъ: «Когда Рабиндранатъ былъ маленькимъ, въ его домѣ было много и литературы, и музыки». Я думаю о большомъ количествѣ и о простотѣ его стихотвореній и сказалъ: «Можетъ быть въ Вашей странѣ много пишется

тенденціознаго, много критицизма. У насъ дома всего этого такъ много, что мы уже мало-по-малу перестаемъ творить, и ничего не подѣлаешь. Если бы наша жизнь не была вѣчной борьбой, у насъ бы совсѣмъ не выработалось вкуса, мы бы не знали, что хорошо, и не находили бы ни читателей, ни слушателей. Четыре пятыхъ нашей энергіи тратится на борьбу съ дурнымъ вкусомъ, все равно, въ насъ ли онъ самихъ или въ постороннихъ». «Я понимаю,—отвѣтилъ онъ,—у насъ есть тоже тенденціозность: въ деревняхъ читають длинныя мифологическія поэмы, заимствованныя еще въ средніе вѣка изъ санскрита, и въ нихъ часто встрѣчаются мѣста, поучающія народъ серьезно относиться къ своимъ обязанностямъ».

Я носилъ съ собою рукопись съ этими переводами цѣлыми днями, читалъ ихъ въ поѣздѣ желѣзной дороги, на верхушкѣ омнибусовъ и въ ресторанахъ и часто закрывалъ ее, чтобы кто-нибудь чужой не подсмотрѣлъ, что это такъ волнуетъ меня. Эти лирическія произведенія, которыя въ подлинникѣ, по словамъ моихъ индусовъ, исполнены тонкаго ритма, непередаваемой нѣжности оттѣнковъ и разнообразія размѣровъ, развертываютъ цѣлый міръ мысли, о которомъ я мечталъ всю жизнь мою. Хотя они и являются продуктомъ самой высшей культуры, они все же выросли изъ земли, какъ растеть и трава, и тростникъ. Въ странѣ, гдѣ поэзія и религія одно и то же, преемственность, въ теченіе столѣтій собиравшая и образы, и чувства у всѣхъ: и мудрыхъ, и неученыхъ, снова возвращаетъ массамъ продукты мысли философовъ и тонкихъ натуръ. Если цивилизація Бенгаліи останется таковою же, если тогъ общій духъ, который охватываетъ всѣхъ, не будетъ, какъ у насъ, раздѣляться на дюжину частей, неимѣющихъ понятія другъ о другѣ, то все, что является самымъ нѣжнымъ въ этихъ стихахъ, будетъ черезъ какое-

нибудь поколѣніе доступно и для нищаго на дорогахъ. Когда было такъ въ Англіи, Чосеръ написалъ Троила и Крессида и, хотя написалъ онъ эту вещь для того, чтобы ее читали и декламировали, ибо наше время приближалось быстро, все же ее распѣвали нѣкоторое время минестрели. Рабиндранатъ Тагоръ, подобно предшественникамъ Чосера, пишетъ музыку для своихъ словъ, и отсюда ясно всякому, до какой степени онъ исполненъ вдохновенія и внутренней силы, до какой степени онъ смѣлъ въ выраженіи чувства и способенъ изумлять, такъ какъ все это, что онъ дѣлаетъ, никогда не казалось ни страннымъ, ни неестественнымъ и не вызывалось необходимостью въ какой-либо самозащитѣ. Эти стихотворенія вовсе не для того, чтобы они лежали въ видѣ красивой книжки на дамскомъ столикѣ, или чтобы ихъ перелистывали лѣнивыми руками тѣ, кто, вовсе не зная ничего о жизни, все же вздыхаютъ о пустотѣ ея. Они не такія, съ которыми носятся студенты, пока они въ Университетѣ, и которыя забываются, какъ только начнется самая работа жизни. Пройдутъ поколѣнія, и путники будутъ распѣвать ихъ по большимъ дорогамъ, какъ и гребцы на рѣкахъ. Влюбленные, идя на свиданіе и цитируя ихъ, найдутъ въ божественной любви волшебную пристань, въ которой ихъ болѣе грубое чувство можетъ очиститься и стать юнымъ. Во всякій моментъ сердце этого поэта стремится къ нимъ, не дѣлая ни уступокъ, ни стараній приспособиться, зная хорошо, что они поймутъ его; и оно все проникнуто ихъ же собственною жизнью. Путникъ въ красновато-коричневомъ платѣ, которое онъ надѣлъ, чтобы пыль меньше бросалась на немъ, дѣвушка, разыскивающая въ своей постели лепестковъ, упавшихъ съ вѣнка ея царственного любовника, служанка или не-вѣста, ожидающая возвращенія хозяина въ пустомъ

домъ — все это суть образы сердца, обращающагося къ Богу. Цвѣты и потоки, трубные звуки морской раковины, ливень индійскаго іюля, изсушающая жара,— это образы настроеній этого сердца, то все вмѣстѣ, то въ отдѣльности, а человѣкъ, сидящій въ лодкѣ посреди рѣки и играющій на струнномъ инструментѣ, напоминающій собою юдну изъ полныхъ таинственнаго значенія фигуръ на Китайскихъ рисункахъ—есть Самъ Богъ. Цѣлый народъ, цѣлая странная для насъ цивилизація, охвачены цѣликомъ его воображеніемъ; но если чувствуемъ и волнуемся также и мы, то это не оттого, что въ немъ есть странности, а оттого, что мы нашли свое собственное изображеніе, какъ будто бы мы бродили по ивовой рошѣ Росетти или слышали, можетъ быть, въ первый разъ въ литературѣ свой собственный голось, какъ бы во снѣ. Со времени ренесанса произведенія европейскихъ святыхъ—хотя ихъ метафоры и общая структура ихъ мысли родственны намъ—перестали привлекать наше вниманіе. Мы знаемъ, что намъ дано въ концѣ отрѣшиться отъ міра, и мы даже склонны въ минуты подавленности или же экзальтаціи обсуждать это добровольное удаленіе; но развѣ могли бы мы, читавшіе столько поэтическихъ произведеній, видѣвшіе столько картинъ, слышавшіе столько музыки, въ который крикъ плоти и крикъ души слиты въ одно—могли бы мы отказаться отъ него внезапно и грубо? Что у насъ общаго со Св. Бернардомъ, который закрылъ глаза, чтобы не видѣть красоту Швейцарскихъ озеръ, или съ бурной риторикой Книги Откровенія? Можетъ быть мы бы и тамъ нашли слова, полныя нѣжности, такія-же, какъ въ этой книгѣ: «Я оставляю Васъ. Прощайте, мои братья, я склоняюсь передъ Вами и отхожу. Вотъ я отдаю ключи отъ дверей моихъ, всѣ права на домъ мой. Только скажите мнѣ послѣднее доброе

слово на прощанье. Мы долго жили въ сосѣдствѣ, но я получилъ больше, чѣмъ я могъ дать. Я слышу зовъ и готовъ на дорогу». А это наше настроеніе и какъ далеко оно отъ настроенія Өомы Кемпійскаго и Хуана-де-ля-Круса. И въ силу того, что я люблю жизнь, я также буду любить и смерть.

Книга эта глубока не потому, что она захватываетъ цѣликомъ наши думы объ отрѣшеніи. Мы не знали, что мы любимъ Бога и едва ли, можетъ быть, мы вѣрили въ Него; но глядя назадъ въ прожитую жизнь, припоминая, какъ мы разыскивали путь свой среди тропинокъ въ лѣсу, припоминая нашу радость на пустынной части горныхъ высотъ, или же то таинственное вліяніе, которое мы неизвѣстно къ чему оказывали на женщинъ, которыхъ любили, мы открываемъ ту эмоцію, которую создала эта коварная красота. «Войдя въ мое сердце непрощеннымъ, не отличаясь отъ кого-либо въ обычной толпѣ, о царь мой, ты наложилъ печать на многіе моменты мимолетные». Это ужъ не святость кельи и бичеванія, это восхожденіе къ той интенсивности настроенія художника, когда онъ рисуетъ и солнечный свѣтъ, и пылинки; чтобы услышать такой же голосъ, мы обращаемся къ Св. Франциску и Вильяму Блеку, которые казались такими чуждыми въ нашей бурной исторіи.

Мы сочиняемъ длинныя книги, въ которыхъ, можетъ быть, нѣтъ ни одной страницы, написанной съ удовольствіемъ, мы съ самонадѣянностью видимъ только главную цѣль ихъ, совершенно такъ же, какъ мы ведемъ борьбу, дѣлаемъ деньги, или наполняемъ свои головы политикой—въ общемъ все скучныя вещи, тогда какъ г. Тагоръ, вѣрный всей цивилизаціи индійской, съ радостью открывалъ душу и самъ подчинялся ея непосредственности. Онъ часто противопоставляетъ свою жизнь жизни тѣхъ, кто приближался къ нашему

привычкамъ и имѣлъ большой видимый вѣсъ въ мірѣ, противопоставляетъ съ кротостью, хотя и увѣренный въ томъ, что его путь единственно лучший для него. «Люди, возвращаясь домой, смотрятъ на меня и смѣются, и мнѣ стыдно отъ ихъ взглядовъ. Я сижу, какъ нищая-дѣвочка, заслонивъ лицо юбкой, и когда они спрашиваютъ меня, чего мнѣ надо, я опускаю глаза и не отвѣчаю имъ». Въ другое время, вспоминая, какъ его жизнь протекала когда-то по иному, онъ говоритъ: «Много часовъ провелъ я среди борьбы за доброе и злое, и теперь товарищъ игръ моихъ въ пустые дни желаетъ обрѣсти мое сердце. Я не знаю, для чего этотъ внезапный призывъ къ бесполезному и чему-то чуждому. Чистота и простота; не встрѣчаемая больше нигдѣ въ литературѣ, производятъ то, что для него, какъ для дѣтей, близки и птицы, и листья, и перемѣны времени года съ великими событіями въ нихъ. Такъ было и для насъ прежде, чѣмъ наши мысли встали между ими и нами. По временамъ я спрашиваю себя, откуда это, изъ Бенгальской-ли литературы или религій, иногда же, когда я вспоминаю, что птицы спускались на руки его брата, мнѣ думается, что это наслѣдственное, что это тайна, нарастающая въ теченіе столѣтій, какъ нѣжность Тристана или Пеланоры. Эта нѣжность, составляющая часть его существа, въ особенности, когда онъ говоритъ о дѣтяхъ, такова, что Вы спрашиваете себя, не о святыхъ ли здѣсь рѣчь. Они строятъ свои дома на пескѣ и они играютъ пустыми раковинами. Сухими вѣтками они машутъ надъ своими суденышками и, улыбаясь, посылаютъ ихъ въ глубокое море. Дѣти играютъ на побережьи міровъ. Они не умѣютъ плавать, они не знаютъ какъ бросать сѣти. Ловцы жемчуга ныряютъ за перлами, купцы плывутъ на своихъ корабляхъ, дѣти же собираютъ камешки и разбрасываютъ ихъ опять. Они не ищутъ скрытыхъ сокровищъ, они не знаютъ, какъ забрасывать сѣти».

श्री. रविश्यामदायकः

